

The background of the book cover is a dramatic, dark illustration. The upper portion shows a chaotic battle scene with soldiers on horseback, some on white horses, amidst a storm of lightning and fire. The lower portion depicts a dark, turbulent sea with a large, dark ship or structure partially submerged in the churning water. The overall mood is one of intense conflict and a journey through a perilous, otherworldly landscape.

Сергей Ковальчук

Рай и ад. Книга
четвертая.

Рассказы перенесших
клиническую смерть.

16+

Сергей Васильевич Ковальчук

Рай и ад. Книга четвертая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55893406

SelfPub; 2020

Аннотация

В этой книге приведены рассказы восемнадцати людей из разных стран мира, перенесших клиническую смерть. Эти свидетельства побывавших на том свете, не оставят никого равнодушными, так как мы все рано или поздно шагнем отсюда в вечность. Рассказы все разные: есть очень страшные, а есть позитивные и очень оптимистичные. Более подробно вы можете прочитать об этом в предисловии к данной книге.

Содержание

Рассказ первый (двадцать шестой с начала серии)	8
Рассказ второй (двадцать седьмой с начала серии)	21
Рассказ третий (двадцать восьмой с начала серии)	26
Рассказ четвертый (двадцать девятый с начала серии)	42
Рассказ пятый (тридцатый с начала серии)	51
Рассказ шестой (тридцать первый с начала серии)	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Предисловие

«Об утратах жалеем, не желая понять:
В этой жизни мы сеем, чтобы в будущей жать.

От рожденья до смертного ложа
Мы идем по дорогам утрат.
Что грустишь, неизвестный прохожий,
Провожая печальный закат?

Для кого-то он станет последним,
Для кого-то, наверное, нет...
Чья душа после ранней обедни
Повстречает Божественный Свет?

Мы страданьями сеем, родные!
Бог Распятый смириться велит,
Чтобы наши утраты земные
В Царстве Света плоды принесли.

Не любимые миром страданья!
Как нужны вы в подлунном краю,
Чтобы здешние плач и рыданья
Стали радостью вечной в Раю».
(Иеромонах Роман (Матюшин))

Здравствуйте, мои уважаемые и любимые читатели! Перед вами четвертая книга серии «Жизнь после смерти». Признаться, ранее я планировал, что эта серия будет состоять всего из трех книг. Но после того, как увидел, какой интерес они вызвали у вас, решил эту серию продолжить.

В этой книге приведены рассказы восемнадцати людей из разных стран мира. Некоторые из них до своей клинической смерти были атеистами, но ни один после нее таковым не остался. Все эти люди стали убежденными верующими, большинство христианами, хотя и разных деноминаций. Среди них есть и православные, и протестанты.

Надеюсь, что чтение и этой книги станет для вас занятием захватывающим. Почему? Потому что в ней вы прочтете о чудесах, происходивших с ее героями. Немыслимых чудесах, которые явил Иисус Христос.

И еще. Эта книга вселит в вас надежду. У вас сейчас все плохо? Вы на грани развода или финансовой катастрофы? Вы неизлечимо больны или вам светит тюрьма? Прочитав здесь о том, какие испытания Бог подчас дает другим людям, вы, возможно, кардинальным образом измените свой взгляд на действительность. И, надеюсь, все же найдете время для того, чтобы открыть Библию и посредством этой великой Книги Книг общаться с Богом.

Один из героев этой книги, ведя не совсем праведный образ жизни, однажды был проклят на рынке бабкой, которой отказался платить, и... на третий день перенес самые страш-

ные события в своей жизни. Он умер, побывал в аду, вернулся, был исцелен Иисусом Христом, после чего в него было попущено вселиться демону. Этот человек смог избавиться от него лишь в храме, где над ним была прочитана специальная молитва. В своем рассказе он утверждает, что не все самоубийцы расстались с жизнью добровольно. Его самого вел к гибели демон, вселенный в него при проклятии.

Другой человек, несмотря на молодость, увлекался оккультизмом и магией. Он заболел неизвестной медицине болезнью и умер. Его рассказы об ужасах ада, его умерших родственниках в аду и в Раю, том, что происходит при молитве на духовном уровне, а также начале мытарств, пожалуй, самые подробные, интересные и... очень-очень страшные!

Как и в первых трех книгах, за своими героями я старался записывать дословно. Чтобы вы, читатель, могли отличить стиль повествования каждого. Я исключил лишь повторения и явные ошибки, ставя на их месте многоточия.

С Божьей помощью я пишу первую книгу новой серии. Эта серия получит название: «Вера спасла нас. Свидетельства победивших смертельные болезни». Комментарии, как говорится, здесь излишни. Но, поверьте, Бог может все, Ему возможно абсолютно все!

Например, исцелить любого больного раком четвертой стадии с метастазами по всему телу. Что для этого нужно? Крепчайшая вера самого больного, смирение, молитвы его и его близких, никакого ропота, терпение и... Святая Божья

Воля!

Надеюсь, что вы, мои дорогие, с Божией помощью, эту книгу тоже вскоре сможете прочитать. Как и все остальные мои книги. Ищите и найдете! На сайте ЛитРес.

А выводы делать только вам. Ну, с Богом!

Рассказ первый (двадцать шестой с начала серии)

Сергей, 55 лет

(Россия, г. Москва)

«Я хочу рассказать о своей истории, как я пережил состояние клинической смерти. Это был обычный, стандартный день. Я собирался на работу. Это было девять лет назад, в августе-месяце. И по дороге на работу, следуя туда на машине, на пассажирском сидении, я почувствовал, что через мгновение потеряю сознание. Такое было ощущение, как физический удар в грудь.

Я потерял сознание. Это ощущение мне показалось некомфортным, и я как бы открыл глаза и уже оказался, с точки зрения обычного человека, совсем в другом мире. Я продолжал как бы ехать в машине, но появились дополнительные восприятия. То есть, я тело уже свое не воспринимал. Я кем был, тем и остался, но тело, оно как бы не совсем мое.

И при этом я адекватно на все реагировал, понимал, но начали появляться какие-то тени сначала, то есть мир в своих проявлениях стал богаче, в событиях. Ну и, добравшись до офиса, я вдруг понял, что со мной произошло что-то непри-

ятное, и, в общем-то, страшное.

То, что мое тело, во-первых, не ходит, нормально не работает. И если я возвращаюсь в ощущения себя, привычные в теле, то я не вижу и практически не слышу. Все тело болит, а глаза вообще практически ничего не видят. И если мне это до такой степени некомфортно, что я его как бы оставляю, то при этом я прекрасно себя чувствую, но тело мое почему-то падает (*смеется*)

И находясь в таком состоянии, я практически хватал свое тело какой-то невидимой рукой «за шкурку», и заставлял его двигаться, что-то выполнять, говорить, делать. И когда я ходил по улицам, то обратил внимание на то, что вокруг тела человека есть такая светящаяся субстанция, она у всех людей разная, но она переливалась разными цветами, и двигалась. То есть, она не статичная, она шевелится.

Больше всего меня поразило то, что рядом со мной шли метрах в полутора два человека хорошо подвыпивших, и видно употреблявших не один день, и у них эти субстанции напоминали какой-то кисель зеленого цвета. И в форме такой полужабы-полудракона-полузмеи. То есть, по сравнению с другими людьми у них на человеческое было мало что похоже.

И в таком состоянии я находился примерно где-то часа четыре. Ну, где-то от трех до четырех часов. И если потерял я сознание примерно в девять утра, то к половине двенадцатого я уже понял, что как бы все силы, которые были и кото-

рые чувствовал, иссякли практически в ноль. У меня такое впечатление было, что из меня кто-то что-то насосом откачивает. И я вообще перестал не только там что-то видеть и слышать, а и двигаться.

Единственное, что, упав на пол и пролежав минут так где-то пять, я попросил сына завести машину и отвезти меня на пункт скорой помощи. Правда, до машины я дошел еще сам и в скорую помощь дошел сам, и там еще меня что-то расспрашивали, но когда померили пульс и давление, то собрались все специалисты по кардиологии.

Оказалось, что у меня уже практически сердце не бьется, и они приступили к реанимации. В прямом смысле слова. Приготовили там электрошокер и все остальные вещи.

В процессе подготовки, то есть, когда они вливали в меня какие-то лекарства, со мной общались специалисты скорой помощи, кардиологи, и спрашивали у меня как самочувствие. Чтобы ответить мне на их вопрос – как я себя чувствую, мне приходилось возвращаться в свое тело. Это было жутко некомфортно.

Нельзя сказать, что я возносился, летал над, а просто как бы в стороне находился. Но при этом всегда понимал, что если я чуть-чуть дальше окажусь или что-то там произойдет, то я в тело уже назад не вернусь. И до какого-то времени я помогал врачам каким-то шестым чувством, я не знаю, а потом решил, что это вообще не мое дело: есть врачи и это их забота.

И сразу после этого я понял, что я уже не там, и назад в тело уже могу не вернуться никогда. Точнее, уже совсем другие ощущения. По моим понятиям уже произошел полный разрыв меня и тела. То есть, тело отдельно, а я отдельно.

И довольно неприятное и некомфортное состояние. И что бы я ни предпринимал, я уже процессом никак управлять не мог, с точки зрения тела. При этом я постоянно кем был в ощущениях, тем и остался, только без физического тела.

При этом я увидел, как рассказывают другие, светящийся тоннель. Только не сам тоннель и не вход в него, а бесконечное их множество, как бы направления. То есть, туда можно войти и, наверное, пройдешь этот тоннель. Но я увидел их настолько много, и понял, что каждый из этих тоннелей... ну, интуитивно... то направление, куда бы я мог пойти в случае принятия своего решения. Либо туда, либо туда.

Но по моим ощущениям, что там было в конце, мне совсем это не нравилось. Другого я, правда, ничего не видел, что можно пойти в другом направлении, а увидел только то интуитивно, что это мои решения в жизни какие-то, и они мне совсем не понравились.

И что я ни делал, ничего не получалось, пока я не понял и не осознал, что я, во-первых, больше, чем тело, а во-вторых, я еще не все сделал, ради чего я жил. И вообще делал очень много всего не того, что надо было. И если я не вернусь, то исправить не смогу. Придется с этим жить и понимать, что это не сделал, там ошибся, это не доделал.

А если я вернусь, то хотя бы что-то смогу исправить. И потом понял еще, что я не только там свое не сделал, а то, что я не сделал для других. Там у меня есть семья, дочь растет, и все остальное. И то, что если я сейчас по каким-то причинам назад не вернусь, то это тоже будет плохо для всех, а не только для меня.

И вот это видно решение повлияло на то, что каким-то чудом я уже оказался в теле. Но оказался в прямом смысле в теле. Уже не то состояние между жизнью и смертью, а уже полностью в теле, которое напичкано лекарствами, обколотое, ударенное электрошокером и все остальное. Это уже больно, некомфортно, непривычно, тяжело и плохо (*смеется*).

И уже когда меня из скорой помощи привезли непосредственно в реанимационное отделение, мне врач-реаниматолог сказал, что любое его действие стандартным методом приведет к моей непосредственной мучительной гибели. В течение от часа до трех часов. То есть, мой организм уже напичкали наркотиками и всем остальным до такой степени, что любое оперативное вмешательство, или лекарствами, или еще какое-то приведет просто к физической смерти.

Потому что тело уже не в состоянии переносить такое количество этих медикаментов. Говорит: «давай сам что-нибудь решай, помоги мне». Ну вот какими-то такими беседами, там еще чем-то состояние стабилизировалось, и я, в принципе, в таком «полуовощном» состоянии остался жить.

И все бы ничего, но тут наступила ночь. И когда я закрыл

глаза и начал проваливаться, как мне казалось, в сон, или не сон, уже трудно разобрать, что это было, но я вдруг увидел все здание больницы, этажей восемь минимум, и каждого, кто находился в этой больнице, и что с ним происходит плохого, будем так говорить.

То есть, все наши... жалость к себе... Вот кто-то что-то сказал, а я пожалел себя, обиделся, вокруг него, и вокруг меня, если я делал то же самое, образуется такая воронка. Допустим, если я сам себя пожалел от чего-то, воронка вокруг меня из моей же этой субстанции образовывалась, и у меня же начинала разрывать печень или еще что-то.

И это происходило абсолютно с каждым, кто находился в этой больнице, даже с врачами. То есть, любая наша обида, злость, еще что-то приводили к таким вот видениям. Я не знаю, как это по-другому объяснить. И одновременно все это. У меня чуть «крыша не съехала».

Закрываешь глаза, открываешь глаза, слышишь – не слышишь, ты это все одновременно воспринимаешь, и каждый вздох, стон, вот это все одновременно видишь. И я не понимал, что это: сон ли, или не сон. Я вроде бы ходил, но ходишь как во сне. И мир потерял краски, стал серым. Ну, то есть, провалился куда-то, и непонятно, что.

Потом тоже, наверное, какая-то мысль была, что не все так плохо и можно и с этим разобраться. Я вышел из этого состояния и вспомнил, что читал какие-то книги. Попросил их принести и начал разбираться, что же это такое на самом

деле.

Ну и по мере выздоровления дальше, получения такого опыта, я перестал жалеть себя. Применял разные методики: за палец себя щипал или еще что-то, чтобы переключить внимание, оторваться от своих переживаний неправильных. И потихоньку начал становиться на ноги. Ну и постарался как можно быстрее сбежать из больницы для того, чтобы больше такого не видеть (*смеется*)

Меня поразило то, что когда я находился вне тела и видел себя со стороны, при этом я находился как бы в обычном состоянии, видел как обычными глазами, слышал как обычными ушами, но при этом тело мое находилось в полутора – двух метрах от меня.

А при этом я ощущал себя тем же самым человеком. С теми же самыми чувствами, мыслями, ощущениями. Единственное, что телесные восприятия: физическое прикосновение к телу я мог по своему желанию либо почувствовать, либо вообще не почувствовать. То есть, тело могло быть как бы полностью отдельно.

И через месяц, когда я оказался дома, я как-то успокоился и стал жить как раньше, как до этого. И однажды ночью вдруг понял, что я опять нахожусь в точно таком же состоянии, но только в тело уже вернуться назад не могу.

И все мои родственники: сын, жена, дочь спят, и я к ним пытаюсь, бегая по комнате или летая по комнате, я не знаю, как к ним достучаться, и понимаю, что они меня не видят,

не слышат и не чувствуют, а тело мое там, в постели, уже практически остывает.

И вдруг я вспоминаю, что я давал обещание, что я должен что-то сделать, что-то исправить, изменить в своей жизни. И опять, после осознания того, что я не все сделал, обещал изменить, но не изменил, но готов это сделать, я опять вернулся в тело. И после этого стараюсь выполнять свои обещания.

После этого я решил разобраться, что же это на самом деле такое, кто я есть и что я есть. Потому что, как оказалось, я не совсем тело, и можно даже сказать совсем не тело. Потому что я больше, чем тело. Это какая-то энергия и эта энергия я и есть, потому что это я, которым я привык себя ощущать, видеть, понимать, чувствовать, но у которого есть тело.

И поэтому я, также и с целью того, чтобы окончательно выздороветь, и понять, кто я такой и что я есть на самом деле, сначала пошел по народным целителям. Но то, что они рассказывали обо мне и показывали, совсем не соответствовало. То есть, они рассказывали, но такое впечатление, что они этого никогда не видели и не чувствовали, а только где-то в книжках прочитали.

Обращался к священникам. Но они сказали, что да, они тоже о таком слышали, но что это такое и что с этим делать тоже не знают. Потому что, как они сказали, это Таинство. А от кого и для кого, я так и не понял. Но я тоже им благодарен. Каждый из них все-таки мне помог: подсказал, поддержал и дали понять, что с этим можно, нужно и важно разбираться.

И я понял, что мы – это энергия. Разумная, живая и взаимосвязанная со всеми. Мы всегда со всеми тысячами и миллионами нитей связаны, как единое целое. Просто мы осознаем себя индивидуальностью. И при этом всегда, постоянно, каждое мгновение, независимо от того, спим ли мы, дышим, едим, еще что-то, взаимодействуем друг с другом.

Но важно именно как мы думаем и какие у нас мысли. И в зависимости от того, это хорошо только для меня или для других, это очень сильно влияет друг на друга.

По мере изучения литературы и опыта переживаний других людей, я набирал опыт, и в конце концов понял, и чувствуя, и видя иногда, то, что мы – это такая разумная субстанция, уплотненная в центре и фактически бесконечная. Охватывающая все и вся, и знающая про всех, но по мере удаления не такая плотная.

Мы представляем из себя сгусток этой разумной энергии, которая безгранична. Она единая и целая. И мы можем внутри себя задавать параметры взаимодействия со всем миром. То есть, учитываем или не учитываем хорошо это для всех или только для себя. И это все сильно меняет нас самих.

Причем если мы искренне, то есть, не словами, а этой субстанцией разумной действительно хотим сделать хорошо для всех, то мы становимся мощнее. Она как бы напитывается, уплотняется и становится больше. И от этого становится не только тебе хорошо, но и другим.

Но если мы на кого-то обиделись, то она как бы истонча-

ется и из нее же вырываются как бы воронки, которые разрушают тебя и других. И как бы проваливают, высасывают энергию. Это то, что происходило со мной, когда я фактически лежал на полу. Я сам себя, грубо говоря, съел. И у меня уже не было сил ни говорить, ни понимать, ни ощущать. То есть, от меня фактически ничего не осталось на тот момент времени.

И только благодаря помощи людей, врачей я потихоньку начал восстанавливаться. И пришел к такому выводу, что чем больше искренних, осознанно добрых дел мы делаем, тем становимся сами мощнее, успешнее, талантливее. Или наоборот: мы всю эту энергию можем полностью пустить на разрушение.

Первое время она не так сильно разрушает тебя, но разрушает точно так же и тебя. То есть, любая наша злость, агрессия, они физически проявляются. Они в пространстве имеют свои координаты, свое местоположение. Направлена на те объекты, но в первую очередь она как бы съедает тебя самого. Ощущая эти вещи, я понял, что есть и общий для всех Источник энергии, благодати, жизни, успеха, таланта, денег... всего.

Если ты как бы включен в Него, принимаешь Его и подтверждаешь, Он тебя напитывает и проходит сквозь тебя. И через каждого. Мы где-то там в единстве в бесконечности, а Он один для всех. Он растекается на всех миллиардами. На каждое растение, животное, человека Он как бы пронизыва-

ет лучом и напитывает энергией.

Но если проявляем агрессию по отношению к кому-нибудь или чему-нибудь, то мы как бы отрезаем этот Источник и перенаправляем всю эту энергию, которая была в нас накоплена, на разрушение всего хорошего и против кого мы всю эту энергию направили.

И благодаря этому, перекрывая этот Источник, мы становимся слабее, и все те самые проблемы, которые мы желали кому-то, одновременно возникают и у него, и у нас. И наоборот, если мы кому-то помогаем, желаем процветания и участвуем в этом процессе, а тем более участвуем в благотворительности, то этот Источник расширяется, становится мощнее. И наше энергообеспечение, в том числе и тела, и дела, как говорят, бьет ключом, в прямом смысле этого слова.

Поначалу я не сразу понял, что вышел из тела, потому что мир практически не изменился. Я как шел по улице, так и продолжал идти, единственное, что добавилась палитра цветов: что-то стало ярче, что-то серее, что-то цветнее, или, наоборот, слабее. Но оглянувшись назад, я увидел, что я стою здесь, а тело мое упало. И мне пришлось прилагать усилия, чтобы его поднять, пошевелить и заставить выполнять свои непосредственные функции.

Находясь в больнице после реанимации, когда мое сознание провалилось, как в яму, краски стали тускнеть и весь мир провалился в черно-белый как бы фильм, где мою душу, или меня, я не знаю, как это правильно выразить, разрывали

монстры, чудовища.

В частности, что-то такое, как огромный дракон, который вонзился в меня, рвал на куски. И по сравнению с обычной жизнью это было намного большее, страшнее. И в этом состоянии ты не знаешь, что предпринять и как с этим бороться. Потому что в обычной жизни мы можем испугаться, куда-то спрятаться, сбежать. А здесь бежать некуда, идти некуда. Все происходит мгновенно. И это не только очень больно и страшно, но и кажется, что безвыходное положение, что это навсегда. И это настоящий ад, который существует в реальности, и каждый человек может попасть туда каждое мгновение.

И если после смерти мы думаем, что что-то изменится, то оно не всегда может измениться именно к лучшему. То есть, мы можем оказаться в аду, и на довольно длительное время. И вот только осознание того, что я могу что-то изменить, при этом будучи полезным и нужным для других, делать для других хорошо, то, что я еще не все в жизни сделал того, что хотел, не реализовал, это осознание меня как бы вытолкнуло оттуда.

Все эти монстры как будто стали более мелкими, более слабыми, а я, наоборот, набирался силы. И я вдруг понял, что можно и нужно брать на себя ответственность за то, что с тобой и с нами со всеми происходит.

И выписавшись из больницы, по мере прочтения книг и всего остального: ощущений, опыта других людей, видя ино-

гда четко, что с нами происходит, я понял, что человек – это такая энергоинформационная субстанция, у которой живая сущность. Есть сознание, есть слои сознания, разные отделы, отвечающие за разные функции.

При этом это одно целое, и в то же время как организм, где каждый орган отвечает за свое. Так и структура сознания. Нужно понять, что она есть, нужно научиться этим всем управлять, понять принципы управления и взаимодействия с другими. И только так мы можем научиться быть более счастливыми и успешными, и вообще, человек может научиться быть человеком, с моей точки зрения.

И только осознавая устройство мира и себя, в частности, человечество может достичь прогресса. Только таким, с моей точки зрения, способом, и никаким другим больше. Поэтому эти знания и свой пережитый опыт я хотел бы довести до людей, чтобы они поняли, что мы намного больше можем, мы намного больше есть, чем тело, и на нас ответственность намного больше, чем мы сами себе об этом думаем».

Рассказ второй (двадцать седьмой с начала серии)

Нина, 58 лет

(Россия, г. Липецк)

«Когда мне было 19 лет я занималась альпинизмом, и мы с ребятами ходили в горы. Оказалось так, что мы проходили опасный участок, и первое отделение, которое проходило первым, нечаянно устроило камнепад.

Я услышала такое слово: «диваны», что значит огромные камни. А я была карабином пристегнута к такому опасному участку. И получилось так, что камни посыпались так быстро, что один из огромных камней упал на меня и полетел дальше.

Только после этого произошло то, что я оказалась уже наверху. Я смотрела на то, что происходило внизу, с высоты. Кончился камнепад, уже подбежали люди и начали кричать: «Королькова погибла! Королькова погибла!»

А я поняла, что говорят про меня, и я к каждому подходила и говорила: «я живая, этого не может быть!», и когда я проникла сквозь людей, я увидела себя... Первый момент я просто была удивлена тому, что я лежу мертвая, раздавленная. В течение нескольких минут я вдруг начала понимать,

что «как же так я оказалась наверху? Почему я смотрю на все, что происходит, сверху вниз?» Я не понимала.

И я пыталась к каждому подойти и сказать, что я живая, но увидела плачущих ребят, и до меня вдруг стало доходить, что я нахожусь вне тела. Тогда я была крещеным человеком, но о Православии практически ничего не знала. И я помню то чувство страшного одиночества. Одиночества, когда душа остается одна, и ты понимаешь, что тебе некуда деваться и что вот этот ветер, какой-то ужасный ветер, который как бы сквозь уши продувает, но я ощущала себя в форме какого-то шара.

Я не могла ничего сделать и просто наблюдала за всем, что происходит. Меня положили на носилки и все люди тихонько двинулись вниз, меня унесли. И вдруг появился такой огромный свет по нарастающей. Он такой... очень трудно описать. Как говорят, Божественный свет. Он не белый, не желтый, он просто обволакивающий, ослепляющий. И я поняла, что меня просто затягивает туда. И тогда я резко рванула вверх.

Я улетела дальше Луны, и когда я остановилась, то поняла, что вижу не только впереди, но и сбоку: справа, слева. Душа человеческая, она видит везде: видит, что сзади происходит, что под ногами, и все это воспринимается как единая информация. Я поняла, что я вижу Землю. У меня все как бы внутри оборвалось. Она была такая маленькая, беззащитная, такая красивая.

И самое главное, она была цвета не зелено-синего, как показывают на картинках, она была розово-сиреневая с голубым и у нее билось сердце. И она как бы дышала. Она расширялась и сужалась.

И тут вдруг я услышала голос, вот как будто отец ребенку такому, нашкодившему: «ну и далеко ты полетела? Ну-ка возвращайся назад!» И помимо моей воли меня опять вернули на то место. И я оказалась один на один с этим Светом.

Мне был задан вопрос: «знаешь, кто Я?» Я сказала: «я знаю, что Вы, наверное, Иисус Христос». После этого мне был задан вопрос: «все ли, что хотела, ты сделала на Земле?»

То, что дальше произошло, это очень трудно объяснить. Вся жизнь: как я родилась у мамы, как я делала первые шаги, и все плохие поступки, которые я совершала ребенком, они просто не укрылись, как кадры киноплёнки до того момента, как я приехала в горы и как оказалась на этом месте.

Бог еще раз повторил вопрос: «все ли, что хотела, ты сделала на Земле?» Я сказала: «Господи, я не сделала только одно, о чем я жалею – я не родила детей, потому что я всегда мечтала о детях!»

И после этого все завертелось в обратную сторону. Я вдруг увидела, как люди, которые несли меня, они возвращаются задом. Как на пленках показывают. Они возвращаются задом-задом, и раз-раз-раз, они все так разошлись и замерли, как в немой сцене. И я оказалась уже на этом месте, где мое тело положили.

И после этого Свет погас, он прям как-то раз – и собрался в одно место. Мою душу резко бросило в это тело. Я вот помню это ощущение тесноты и боли, секундной буквально.

После этого я поднялась, и мне было сказано: «отсоединяйся!», чтобы я карабин отстегнула. «Ложись под ступеньку!» Оказалось, что внизу меня такое небольшое возвышение, как ступенечка. «Клади плотно голову, не шевелись!»

Я все это сделала. И самое главное, что все камни, которые летели, и тот огромный камень, они просто замерли в воздухе, и я спокойно, видя, что все замерли, спокойно отсоединила карабин, легла, опустила голову. И тут я услышала этот крик: «диваны!»

Человек, такое, наверное, существо любопытное, что я не удержалась и опять подняла голову. И увидела, что тот камень огромный опять падает на то место, где я стояла только что, сбивает мне каску, срывает у меня куртку с плеча и летит вниз.

И вот я единственное, что помню, когда потом ко мне подбежали все альпинисты, они мне говорят: «мы видели, как на тебя упал камень!»

То есть, получается, что у них воспоминаний никаких не осталось. А у меня осталось просто огромное количество таких воспоминаний. Если так по времени смотреть, то это где-то часа три. А на самом деле оказалась всего лишь какая-то секунда.

Я приехала в Липецк, и через месяц поняла, что беремен-

на. И через два месяца мы с мужем моим поженились».

Рассказ третий (двадцать восьмой с начала серии)

Екатерина, 50 лет
(Россия, г. Москва)

«Мне было семнадцать лет, я была таким «одуван-одуванчиком», училась в архитектурном институте. И как-то раз мы были на летней практике. Там меня «накрыло» аппендицитом. Я не могла оттуда никак выбраться. Семь дней там находилась, и потом, когда я приехала в Москву, то в какой-то момент поняла, что надо ехать в больницу.

Эта информация пришла как-то сверху, потому что я больше всего боялась аппендицита в своей жизни, все время спрашивала. Мы в пять утра с родителями вызвали скорую, поехали в больницу, и там врачи определили, что у меня аппендицит. Притом очень сложная форма – гангренозно-перфоративный. То есть, там все уже лопнуло и растеклось.

Меня положили на операционный стол, был общий наркоз. Последнее, что помню, это голубые глаза хирурга. Я подумала: «какие красивые глаза!» и все, на этом все закончилось.

А потом, как я понимаю, операция уже была сделана. И после операции в какой-то момент я просто увидела, что я

куда-то лечу. Это был 1987 год, не было еще никакой информации об этом, никакого Моуди, мы жили еще в коммунистической стране. И я унеслась в какое-то такое пространство и очень долго летела по этой трубе.

Потом у меня была ассоциация с Алисой, которая падала в этой кроличьей норе. И когда я летела, мне было уже хорошо. Я думала: «ну вот, наконец-то ничего не болит, наконец-то я себя прекрасно чувствую, и, в общем, здорово!»

Потом я вылетаю в свет. Много-много света вокруг, при этом не было растерянности, мне сразу там очень понравилось, там так было хорошо *(улыбается)*

И вдруг суровый такой голос... ну, это не был голос, это было такое телепатическое сообщение, но при этом это было очень сурово. И мне так в нормальной человеческой форме, никакими не сложными и витиеватыми фразами, а мне было сказано очень просто: «ну, и куда это ты? Куда собралась? Быстренько назад!»

И я, конечно, не чувствовала пинок под зад, но вот ощущение было такое. У меня было абсолютное горе такое: я только попала к себе там домой и вдруг меня пинком практически Отец родной назад куда-то отправляет.

И это был Он, потому что было ощущение, что это мужской голос. Но явно не женский, не было женских энергий, мужской такой. И Он сказал: «ты еще не все сделала, тебе еще предстоит очень серьезная миссия!»

Больше ничего озвучено мне не было. Я отправилась об-

ратно. В трубу я не попала, я оказалась прямо сразу в своем теле. Я пришла в себя, видимо, очнулась от наркоза, и дальше началось, собственно, самое интересное. Потому что первое мое ощущение было, когда я оказалась в палате, и вечером рядом в палате со мной лежала бабушка, которая умирала от рака желудка. Ей было очень плохо и тяжело.

И я вдруг обнаружила, что я знаю, что эта бабушка следующей ночью уйдет. Я вдруг почувствовала своего рода зависть: меня-то оттуда выгнали, а ее туда пустят. Но я поняла, что она боится, и начала ей мысленно говорить: «ты не бойся, все там будет очень хорошо! Ты будешь чувствовать своих родных, и ты будешь чувствовать себя там дома, ничего не будет болеть, успокойся, не бойся. Все будет хорошо!»

И действительно, она следующей ночью умерла. Нам, конечно, никто ничего не показывал утром, просто вывезли и все.

Ну и после этого я вернулась домой уже совсем другим человеком, уже было совершенно другое восприятие мира. И начали открываться такие вещи, которые меня стали пугать. Я долгое время, более тридцати лет, не могла рассказывать все это. Потому что мне было очень четко сказано, что я не должна никому это рассказывать, что люди не готовы к этому. И что если я буду это рассказывать, то я могу попасть просто в сумасшедший дом.

Потом мне подтверждения этому были, потому что я росла в семье ученого-физика. Когда проскакивали какие-то

моменты, то на меня смотрели, конечно, как на сумасшедшую. Поэтому я очень быстро прикусила язык.

После того, как я вышла из больницы, а там я провела достаточно длительный срок, два месяца где-то, началось самое интересное. Первое, что я заметила, это когда я оказалась в метро, я вдруг стала слышать мысли вообще всех людей, которые меня окружают. Это было очень страшно.

При этом я обнаружила, что мысль векторная. То есть, когда человек смотрел на меня, или куда-то мимо меня, то я слышала его мысли. Если он отворачивался и смотрел куда-то в другую сторону, то мыслей я не слышала. При этом мысли я слышала именно в замкнутых пространствах: в лифте, в метро. То есть, как только где-то были окна, ничего этого не происходило.

Это было разочарование в человечестве, я бы так сказала (*смеется*). Потому что мысли, конечно, у людей, особенно в то время, – восемьдесят седьмой и восемьдесят восьмой год, были очень мрачные.

Дальше тоже начали очень интересные вещи происходить, я стала видеть внутренние органы людей. И это тоже было очень неприятно. Притом, что я обнаружила, что какие-то опции можно сразу закрыть. То есть, внутренние органы... я сказала: «ой-ей-ей, вот этого мне не надо!» И это очень быстро прошло. И Слава Богу! То есть, как опции такие открывались.

Следующая опция: я дома стала видеть существ. Просто

ночью сплю, вдруг, образно говоря, открывается окно (на самом деле не открывается, в физическом смысле), и туда влетает прямо рыцарь на коне и в темном плаще. Куда-то надо мной дальше проскакивает, а утром обратно возвращается.

Ну, как вы понимаете, от этого можно было сойти с ума. Первый раз я поняла, что могу сойти с ума, когда стала слышать мысли людей вокруг. Стала убеждаться, проверять, задавать вопросы своим знакомым, если я слышала их мысли. И я убедилась, что это не мои фантазии, что я не сошла с ума, что это просто-напросто... я это называю «дар» в кавычках. Потому что это, конечно, отягощало очень сильно.

Вот с этими сущностями... я тоже не могу сказать, что это меня осчастливило. Потому что я вдруг обнаружила, что мы не просто не одни, я обнаружила, что вокруг нас огромное количество разных очень неприятных существ. Притом, что мы живем в Москве, где происходило огромное количество разных страшных событий на протяжении многих веков. И это все присутствует здесь в виде вот таких остатков.

Уже потом, конечно, я стала разбираться кто это и почему они здесь. Но вначале, конечно, это был очень большой шок, что мы оказывается постоянно в толпе в такой.

Следующее, что я почувствовала, это выход из тела. Мне это очень понравилось, я его до сих пор использую. Я считаю, что это прекрасная штука. Я выходила из тела и путешествовала. Я поняла, что могу посещать друзей. Но здесь существовал какой-то очень четкий моральный кодекс. Я мог-

ла с ними договариваться, и только если они мне разрешали «прийти в гости», то я приходила к ним. Но и то, как я сказала, я никому ничего не рассказывала, и поэтому это было как исключение. Как игра такая что ли. Я не преподносила это как какой-то дар, а хи-хи – ха-ха, там студенческая кампания, и прочее.

Я вообще скептик по натуре, и мне надо было обязательно убедиться, что все то, что я вижу, это все правда. Года через три после этого я вышла из тела в первый раз. Я увидела, как мой муж печатал какой-то текст, и я увидела первую строчку, а потом, когда вернулась в тело и подошла к нему, я увидела, что он уже строчек пять напечатал, и первая строчка была ровно такая, которую я увидела.

У меня было очень яркое такое открытие. Следующим летом, уже год прошел, мы поехали со студенческой практикой на Соловки. Я тогда про Соловки ничего не знала. Просто остров какой-то на Севере, там прекрасно, красиво, какие-то башни невероятные, закаты. В общем, восторг. Ну, и мне восемнадцать лет. У нас там живопись, рисунок и мы рисуем. А там, вокруг этой крепости у Кремля, рвы такие.

Я в этот ров села, потому что красивый такой ракурс открывается: башни, небо; поставила этюдник и села рисовать. А когда художник рисует, то у него расфокусировка взгляда идет. То есть, он должен одновременно видеть то, что на заднем плане и что на переднем, для того чтобы это запечатлеть.

И когда расфокусировка взгляда пошла, я вдруг увидела

в этом рву, в котором я сижу, огромное количество трупов. Притом, что они завалены снегом (это июль), немного шевелятся, и стонут. Сказать, что я перепугалась, это просто ничего не сказать. У меня, наверное, просто волосы дыбом встали, я так думаю. Потому что я оттуда так рванула! Я не помню, кричала я или не кричала, но факт, конечно, в том, что меня охватил ужас.

Я оттуда рванула, прибежала к своим, они там, где-то в другом месте были. И ребята мне оттуда приносили этюдник, потому что я боялась туда вернуться. Я думаю: «ну все, теперь уже точно сошла с ума!»

Год я где-то жила в таких странных ощущениях, и вот тут такое явление. А на следующий день на остров приезжает Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он когда-то там, в этом ГУЛАГе, сидел, был еще молодым. И он больше туда не ездил. И это был его первый визит туда спустя много-много лет.

Он узнал, что там студенты архитектурного ВУЗа и решил провести нам экскурсию. Экскурсия была очень интересная. Он нам рассказывал про историю монастыря и много-много всего, и в том числе, естественно, про ГУЛАГ. Тогда Солженицын был еще запрещен и про Соловки упоминание можно было прочитать только в «Мастере и Маргарите», которая была тоже запрещена.

И мы подходим к этому рву. Я почувствовала, как у меня подогнулись коленки, а Дмитрий Сергеевич рассказывает, что сюда, не помню уже, в каком году, в двадцать седьмом

или в двадцать восьмом, приезжал Горький. И ему люди жаловались на жизнь. Что было очень тяжело, очень плохо.

И когда Горький вернулся в Москву, он пошел к Сталину рассказывать, какие условия жизни там у людей. И буквально через неделю после этого всех тех, кто Горькому рассказал это, а их было двести человек, их выстроили на краю этого рва, и расстреляли.

Это было зимой. Они все попадали, потом был снегопад, никто дальше не разбирался, но еще целую неделю люди слышали стоны из этого рва. И что из всей ГУЛАГовской истории Соловков это был самый большой расстрел, массовый. И я понимаю, что это все я, собственно, и видела.

И каждый раз, когда возникала какая-то ситуация, поскольку у меня скепсис, ко мне тут же приходило подтверждение.

Еще одна история произошла там же, на Соловках. Она хорошая. Я ходила по верхнему ярусу, по стене крепостной. Я гуляла, там какой-то невероятный закат. А мы жили прямо в монастыре, потому что монахов тогда еще не было, там все это было запущено, даже крестов еще не было, все было сбито. И я вдруг вижу, что во дворе стоят два черных монаха.

Один в таком высоком клобуке (*показывает на голове*), черном таком. Он весь в черном. А второй схимник, на нем схима надета. И вот этот вот первый двоеперстием второго благословляет.

Я так думаю: «а что он двумя пальцами благословляет?»»

А тогда нас и в церковь тоже не пускали, все это было закрыто, все запрещено. Но понятно, что видели какие-то иконы в Третьяковке, и так далее. То есть, мы знали, что такое троеперстие. А что такое двоеперстие?.. Ну, про Никоновскую реформу так, более-менее знали, но это были советские времена и приходится делать на это скидку.

То есть я не поняла, почему он благословил двумя. И это прямо четко было видно. И я как-то это запомнила. Я еще думала: «откуда тут монахи? Тут же кроме студентов, которые все это восстанавливают, и нас больше никого нет!» Территория для въезда была закрыта.

А на следующий день нас отправляют в местный музей для того, чтобы мы делали копии с икон. Это тоже было частью нашей практики. Я иду по этому музею, там такая анфилада комнат, и вдруг вижу какую-то икону. Прямо притянулась к ней взглядом, она достаточно большая. И там стоит вот этот вот, в черном клобуке.

Я думаю: «я же знаю его! Я же видела его во дворе!» Я села его рисовать. Это был один из основателей этого монастыря. И конечно, это тоже мне было таким подтверждением. Я потом посмотрела информацию про них. До сих пор я езжу на Соловки, это теперь мое место силы. Вожу туда свои группы, потому что это действительно очень мощное место. И не только у меня там открываются такие вот вещи. Ну, прям таких видений не было, но все равно там есть всякие такие интересные вещи.

Это очень яркие такие вот вещи, с подтверждениями. То есть, когда я вдруг поняла, что на самом деле это не у меня «крыша поехала тихо», а что на самом деле что-то такое мне открылось, очень важное, где-то в девяностом году книги Моуди появились. И это мне тоже подспорьем таким было.

Когда я увидела «Жизнь после жизни», я ее прочитала, и вдруг поняла, что я не одна такая. Это тоже очень важно было понять, куда я отправилась тогда и что такое со мной было.

Эти вот возможности, которые открылись, они сначала мне очень мешали. Но потом я поняла, что ими надо учиться управлять. Вот если ими научиться управлять, то тогда это можно использовать для каких-то очень важных вещей.

Еще один «дар» – это видеть суть вещей. Допустим, идет информация в новостях, и я понимаю, что там за этой информацией стоит. Я считаю, что вот это очень важно. Потому что не все расскажешь направо или налево, но очень важно, что это дает некоторую ориентацию. И в истории, и в пространстве. То есть, некую такую уверенность. Чувствуешь себя уверенно, понимаешь, где ты и что ты.

Один важный дар, который я получила, и, в принципе, я считаю, что это самое главное, и это то, ради чего я сейчас здесь живу, это я получила «рюкзак со знаниями», как я говорю. Это некие очень мелкие пазлы, их очень много, из которых моя задача была составить картину мира.

И на протяжении тридцати лет я эту картину собирала. Как это происходило? Когда я слышала или видела какую-то информацию, которая соответствовала тому, что у меня где-то в пазле лежит, у меня это просто как такой флэш был. И я понимала: «о, один пазл заполнен!» И я его ставила куда-то. Потом следующий, следующий.

Больше всего сейчас стало приходиться, вот начиная, наверное, с 2000 года. До этого приходилось все это выуживать. При том, что информация начала сама стекаться через каких-то людей, у меня появились учителя. И в принципе, это можно сравнить с тем, что называется ясновидением. Потому что приходили ответы на вопросы на какие-то.

Ко мне сейчас подходят, задают вопрос. Я даю ответ. А потом думаю: «ну, и откуда ты это взяла?» Да, я многократно задавала себе такой вопрос. Потому что отвечала на вопрос человека, а потом удивлялась, откуда вообще это у меня взялось-то.

Одно дело, когда этот мешок с пазлами. Потому что в этом случае шла речь про Вселенную, про то, кто мы есть на самом деле, из чего человек состоит, каков человек, какова Вселенная, история Вселенной и Земли, – то есть такие, глобальные вещи. И про это я очень-очень долго собирала вот эту вот мозаику.

Но когда человек приходил, он задавал вопросы бытового плана. Я ему отвечала. А потом мне человек говорил: «слушай, а ты правильно ответила!» То есть, постоянно прихо-

дили какие-то подтверждения, потому что я в себе постоянно сомневалась: «с чего это я с такой уверенностью обо всем этом даю информацию, хотя на самом деле такой информации у меня по факту нет?»

Это можно сравнить с яснослышанием. Потому что откуда-то эта информация в виде текстов таких, слов приходила. Ясновидение и яснослышание, они как бы сливаются. Здесь нет такого четкого канала, да, ясновидение или яснослышание.

Когда я проходила сеанс регрессии, то я обнаружила те самые миры, в которых я была. Я просто не могла их тогда рассмотреть, потому что было много света, и он меня ослепил сначала. А потом уже, когда я была в регрессии в первый раз, я оказалась в том мире, который меня подпитывает и который, как оказалось, я периодически посещаю. И, собственно, это как раз и было очень похоже на ощущение дома.

Вот это вот ощущение, что я дома, оно было как раз и во время клинической смерти, и во время регрессии. То есть, я очень четко поняла, что вот это и есть мой дом. А второй раз я нарочито себя как бы направила туда. Я сразу поняла, что я именно туда хочу попасть. И я попала в мир, где я была между жизнями. Где я была вот во время клинической смерти. И он оказался великолепен.

Он радужный, там нет цветов. Там нет красных домов, например, черных деревьев, зеленых листьев. Там все радужное. Все раскрашено, но все каких-то невероятно радужных

цветов. Я такого раньше никогда не видела. Вот есть художники, которые такое вот рисуют и мне всегда это нравилось. А тут я воочию это все увидела. И для меня, особенно как для художника, все это было очень впечатляюще.

И из-за того, что там много вот этого радужного, ощущение, что там очень много света. Но свет там не солнечный. Там как бы все само светится, подсвечивается. Вот такое у меня ощущение было.

Я должна была идти рассказывать про свою клиническую смерть, свои воспоминания о клинической смерти, и так случилось, что мой отец оказался в состоянии комы. И когда я об этом узнала, то поняла, что могу ему помочь.

Я вышла вот в то пространство, поскольку я тридцать лет занимаюсь медитациями, то это все очень просто делается. Вышла в то пространство, где я могла с ним встретиться. Я его увидела, увидела ужас, страх, который переполнял его душу. Я увидела тело отдельно, увидела душу отдельно, и поняла, что ему нужно помочь разобраться, где он и что он. Потому что такое ощущение было, что он даже не понял, что с ним произошло.

Он в ужасе смотрел на свое тело, которое там все было обвешано всякими аппаратами и трубочками. И я ему сказала, что в данный момент он может принять решение: уйти или остаться. И что для того, чтобы принять решение, я могу ему помочь, показать, как там.

И нам с ним открыли туннель, и мы с ним отправились

туда, в тот свет, прямо в буквальном смысле этого слова. И я видела, как он меняется, как у него исчезает вот этот страх, исчезает ужас. И как ему становится внутри светло, сама его душа внешне начала меняться.

И он там успокоился, побыл в этих энергиях любви, и когда мы вернулись обратно, то он уже был спокоен, был уже в спокойном состоянии для принятия решения. И потом, когда я через два дня пришла его навестить, медсестра у меня спросила:

– Вы хотите на него посмотреть?

Я говорю:

– Да.

И когда я прошла туда, оказалось, что он уже пришел в себя и он уже очень ясный. Я пока с ним не говорила на тему того, что он помнит или не помнит. Потому что пока он все еще там, в реанимации. Но я, конечно, очень хочу с ним поговорить, что он помнит. Может быть, он помнит и наш с ним диалог, и наше с ним путешествие.

Конечно, мне, можно сказать как исследователю, это, в общем, тоже интересно.

Когда человеку дается второй шанс, это означает, что он здесь что-то не доделал. Что он поторопился отправиться куда-то. Это сто процентов из ста такое. Все души, которые сюда возвращаются, это значит, что они что-то не доделали.

Я должна сказать вот что. Когда я начала рассказывать о пережитом мною вот этом происшествии и ощущениях, то

люди начали много писать мне. Они говорили о своем страхе перед смертью, и они говорили, что было бы здорово пережить то же самое, что пережила я. Для того, чтобы этот страх исчез. Потому что жить все время с ощущением того, что если что-то не так, то сразу ты куда-то там отправишься, и не просто отправишься, а станешь прахом, а когда вдруг понимаешь, что, в принципе, ты здесь для того, чтобы развиваться и потом дальше ты переходишь на какой-то другой уровень, это сразу меняет отношение к жизни.

И я должна сказать, что и у меня так же. Вот я слышала рассказы тех людей, которые были перед порогом. И эти люди поняли, что жизнь очень коротка, что она очень хрупка, и они стали беречь свою жизнь.

А те люди, которые оказались за порогом, они, наоборот, стали более решительными в этой жизни. Они стали больше действовать, стали больше принимать каких-то смелых решений. Именно потому, что они поняли, что жизнь не одна. И что здесь мы как в командировке. То есть, абсолютно противоположный первым результат.

И тем не менее, когда я это рассказываю, люди, конечно, говорят, что да, мы тебе верим; да, это все интересно и поучительно, но очень сложно на себя это спроецировать.

Возможно, что когда будут разные опыты, когда будут разные люди рассказывать: разных возрастов, из разных состояний (у всех чуть-чуть по-разному все это происходило), то тогда какая-то из историй у кого-то из людей откликнется, и

просто люди перестанут бояться смерти. А это мне кажется
очень важным!»»

Рассказ четвертый (двадцать девятый с начала серии)

Сергей, 53 года
(Россия, г. Москва)

«Первый случай клинической смерти, причем он был диагностирован врачами, это была армия. Мне было девятнадцать лет, был жаркий июль 1986 года. Европа, горы, а у нас проверка из Москвы. И вот на градуснике в тени плюс 37, а мы бежим десять километров вдоль берега горной речки.

Такая температура плюс влажность, это все что надо, что называется, чтобы встретить чудеса. Все хорошо было где-то, наверное, до последнего километра. Тут нашему товарищу становится плохо. Этот товарищ оказался сзади меня, и он просто на мне повис. Он взял меня за ремень, как за вожжи, и я практически его потащил, хотя, в принципе, мои соседи должны были тащить еще и меня, чтобы было легче. Но соседям тоже было плохо.

И дальше я ничего не помню. В какой-то момент у меня выключилось все. Я помню точно, что мне не хватило воздуха реально, потому что дышать было просто нечем. Что я помню до того момента, когда меня более-менее привели в чувство. Это такая совсем глубокая темнота, заложенные

уши, картинки такие, как фотографии, наверное, качающиеся. Я тогда уже работал на телевидении, поэтому у меня воображение, видимо, телевизионное включилось.

Ну, когда картинки закончились, закончился, в общем-то, весь звук в ушах, стало просто темно, бесшумно и без ничего. Далее в какой-то момент была пелена белая, что ли, снизу моего зрения или кадра, не знаю, как это назвать. И всплыла такая штука, как тоннель, уходящий все время вниз.

Наверное, это напоминает тоннель в метро, но который все время изгибается вниз, и ты начинаешь все время падать. Понятно, что стены круглые и на стенах хорошие цветные изображения. Те, которые, я, видимо, помнил. Потому что ничего такого пугающего, неожиданного, не моего, как бы, я там не видел.

Это не было быстрым калейдоскопом, это было такое вот плавное перетекание истории картинок. Где-то была школа, где-то была деревня, где я маленьким рос. В общем, потом все. Потом я пытался как-то управлять чем-то, вот как во сне бывает, когда я хочу этот сон прекратить, но я понимаю, что это уже не сон.

В какой-то момент я испугался, но я понял, что это такой же сон, который меня и раньше, в общем-то, тревожил. То есть, грубо говоря, хочу проснуться, но не могу. Это такая стадия поверхностного сна, когда шорохи в квартире тебя настораживают, ты хочешь повернуться и не можешь. И тебе снится практически то, что ты придумываешь, а сопровож-

дается это тем звуковым сопровождение, которое в комнате присутствует.

И это тоже оказалось каким-то периодом моей вот этой визуализации, скажем так. Она тоже прошла и все, дальше провал. Какие-то такие тупые ощущения, что тебя кто-то чем-то тыкает, но полная темнота. Так, чтобы я себя там видел где-то как-то я что-то не припомню.

В себя я пришел, как мне потом сказали, где-то минут через тридцать пять. Мне вкололи что-то, и я открыл глаза и начал понимать кто я и где. Слышу, что кто-то сказал: «о, он в себя пришел!»

Я был погружен уже в армейский санитарный грузовик и меня отвезли. Меня спрашивали о чем-то, но я не помню, что им отвечал. Врач сказала, что да-да, будет разговаривать, все нормально.

Оказывается, меня нашли в холодной реке, там достаточно холодная вода. Я был раздет, видимо, от того, что мне не хватало воздуха, пытался освободиться от одежды. И так как мы бежали с оружием, очень долго народ искал оружие. Нашли. Где-то рядом в реке валялось. То есть, я освободился от того, что мешало мне дышать. Я еще удивляюсь, как я не захлебнулся, потому что лежал лицом в реку.

Когда меня доставили в санчасть, врач подошел, посмотрел, мне быстро взяли анализы, сказали: так, понятно, человек живой. Очень слабый еще, конечно, дайте ему вот это, и пусть он спит. Все. То есть никто ничего никому не сказал.

Мне тем более никто ничего не говорил, потому что я вообще плохо слышал, в этой пелене находился.

Причем это была действительно такая пелена, которую я не могу связать со спазмом сосудов. У меня ничего не кололо в конечностях. Обычно, когда какие-то спазмы сосудов, конечности колотить начинают, давление падает и так далее. Давление-то у меня было нормальное.

Нормально себя ощущать стал я через двадцать восемь часов. После этого укола я проспал двадцать три часа.

У меня не было никакой паники в силу того, что меня вообще не тревожило ничего, абсолютно. У меня было такое впечатление, что я просто-напросто проснулся после того, как очень сильно устал. Вот бывает такое: ты просыпаешься и тебе все равно. Вроде бы ты выспался, но ни на что не реагируешь, просто тупо на все смотришь. Отвечаешь на какие-то элементарные вопросы. Те, что посложнее, я говорил: «не, ребята, подождите, не сейчас». Собственно говоря, весь набор моих фраз был такой первую неделю.

Из санчасти меня отпустили где-то на четвертый день, а командир роты сказал: «по-моему, тебе надо обратно идти, потому что ты просто как овощ ходишь».

Я точно помню, что у меня улучшилось зрение. Вот в кино и на телевидении есть такие понятия как «плоская картинка» и «глубокая картинка». Грубо говоря, когда вы смотрите телевизор, у вас картинка достаточно плоская, но, когда вы смотрите кино, вы видите там задний план, передний план,

на котором герои, и так далее.

Вот у меня зрение стало лучше. Вот это я помню точно, потому что такого хорошего зрения у меня не было. И я стал лучше слышать (*смеется*). Я глухим не был, но слух стал гораздо острее.

Я ни о чем не думал и не философствовал, вообще. Мне не до этого было в принципе. Я читал, пытался как-то вспомнить все это. И я стал себя чувствовать гораздо комфортнее. То есть, видимо, я освободился от того, что меня в чем-то сдерживало.

Могу сказать так, что в принципе, такой безбашенности у меня никогда не было. Здесь, как бы, порог страха, он ушел вообще куда-то за горизонт. Я и сейчас, собственно, в таком состоянии пребываю, меня редко чем можно испугать. И я берусь за достаточно серьезные, рискованные в какой-то мере, проекты. Бывает такое.

Мне тут товарищ сказал: «у тебя все хорошо получается, но у тебя нет компаса. Ты свои действия должен проверять так или иначе на то, правильно ли ты действуешь, правильно ли ты в пространстве сориентирован или нет».

Допустим, мой последний поход в Гималаи. Это были пакистанские Гималаи, куда мы только добирались три дня. На нас ни разу не упал камень во время маленького землетрясения. Я один раз сорвался с узкой и скользкой тропинки. Там хоть и была обыкновенная страховочная веревка, которую пакистанцы просто держали, я вообще не испугался. Я

просто висел на одной руке, подтянулся, мне начали помогать, причем это было уже темно, ночь.

Мне потом показали с утра, над чем я висел, я сказал: «пф, фигня какая! Я бы, наверное, зацепился бы там, на ноги бы встал». Примерно вот так. То есть, вот этим меня не испугать, абсолютно.

Спали мы в палатках при минус тридцати двух. Я спал просто в палатке, просто в спальном мешке и сушил под собой носильные вещи. То есть, я спал абсолютно раздетым. И в минус двадцать девять ты просыпаешься, открываешь его, одеваешься и выходишь.

Я думаю, что во мне есть какая-то энергия... как и в любом человеке есть какая-то энергия, которая так или иначе выражается в достигнутых им результатах, манере поведения, общения, в чем-то еще. И индикатор качества этой энергии или там степень заряженностью ею определяется тем, чего человек боится.

Кошмары мне давно не снятся. Единственное, где я могу получить какое-то предчувствие или опасаться чего-то, это во сне. И вот этот этап сна – поверхностный сон, это называется «состояние солнечного веретена», когда ты уже как бы погрузился в сон, но все слышишь, абсолютно все, и вот тут от этого слуха мозг начинает рисовать тебе картинки.

Что вокруг тебя кто-то ходит, что тебе пытается кто-то под одеяло залезть, и так далее. И вот тут приходит какая-то штука, которая начинает тебе рисовать предчувствия.

Вот недавний реальный случай. Осенью у меня была дилемма, чем заняться, потому что был провал по одним занятиям, а другие еще не начались, и нужно было чем-то заняться, чтобы дурака не валять. В это состояние я, засыпая, попал, и мне просто говорят в виде предчувствия: так, вот если еще три дня ты не делаешь того, чего задумал, это не свершится никогда. Сделай хоть что-нибудь!»

Примерно так было сказано. Причем с ощущением того, что тебя практически прикрутили к стулу и начинают ноги затягивать. Что тебя сейчас пытаться начнут, если ты не скажешь: да, я так сделаю, только отпустите меня!

На следующий день я пошел работать в такси. Для того, чтобы вот этот месяц или полтора чем-то себя занять, я реально пошел работать в такси. Сел, поехал, и в первый же день заработал четыре с половиной тысячи рублей.

Если все это обобщить какой-то одной фразой, то, наверное, можно сказать, что по ту сторону находится достаточно комфортная среда. Она каких-либо мучений или чего-то подобного не доставляет.

Есть период вот такой темноты, беззвучия и он очень сильно пугает, потому что он затягивается. Но этот страх, испуг проходит. Почему? Потому что этот комфорт начинает охватывать тебя постепенно. Это первое.

Второе. Когда ты попадаешь уже в эту комфортную зону, такое впечатление, что ты оказываешься в своей комфортной среде, в которой ты находился, и которой тебе не хвата-

ло. Которую ты при реальной жизни придумываешь.

Ну, например, ты хочешь быть в среде вот таких-то людей, чтобы мы общались вот на такие-то темы, чтобы мы слушали вот такую-то музыку и смотрели вот такие-то картины или фотографии. Чтобы все было комфортно всем. И вот эта среда как раз там присутствует. По крайней мере, такое ощущение, что наконец-то ты попал в тот мир, который ты себе придумывал. То есть, ничто дискомфортное тебя не окружает абсолютно.

И второе. Это то состояние, которое бывает, вот физически его можно ощутить, это когда ты сильно устал, какую-то тренировку провел, или у тебя была бессонная ночь, покушал и просто рухнул спать, отсыпаться. Ты просыпаешься на закате, на свежем воздухе где-то за городом, где реально свежий воздух, и ты понимаешь, что ты очень здорово выспался. Ты себя ощущаешь свежим, молодым, сильным и готовым заново к любым нагрузкам.

Вот это ощущение, оно сейчас у меня бывает редко, конечно, в моем возрасте. Но два раза в год его можно испытать. Опять же, я живу в Москве и тут его очень сложно ощутить.

Я бываю за городом, когда зимой мы катаемся на лыжах, потом ты отсыпаясь, вот такое можно зимой за городом получить. Потому что кислорода много. Ну и летом тоже, особенно когда искупался. Вот выспишься, потом просыпаясь и очень классно себя чувствуешь.

Наверное, я могу назвать себя пуганым. Потому что эти ощущения, я точно могу сказать, что это не ад. То есть, сказать: ребята, это вообще ад, этого нет.

Это ощущение такого испуга, это вот знаете, как... ну вот пример: человек ныряет и через десять секунд выныривает, хватая ртом воздух. А ему говорят: ты вот подготовь себя и нырни. И первые десять секунд перетерпи. Тогда дальше будет хорошо. У меня по крайней мере такое ощущение.

Я один раз под водой провел две с половиной минуты. А тремя днями раньше не мог пятнадцати секунд продержаться. То есть, вот этот страх, он проходит. И тебе не хочется дышать, ты просто плывешь, и все.

Вот это примерно то же самое состояние, когда тебе нужно преодолеть этот испуг. И дальше я уже рассказал. Я понял классные для себя вещи. Что просто нужно все делать правильно и созвучно с тем, что во мне заложено. И осваивать какие-то новые техники. Именно самокритики. И все время искать новые возможности общения с другими людьми на нужной и правильной волне, которая позволяет сделать эти отношения достаточно прочными».

Рассказ пятый (тридцатый с начала серии)

Галина, 70 лет

(Россия, г. Москва)

«Я хотела рассказать об интересных событиях, которые я пережила. Лет пять назад я спала, и почувствовала во сне, что мне очень-очень плохо. Меня ужасно затошнило. Я быстро побежала на улицу, чтобы вырвать. Живу я в частном доме. Но состояние у меня было уже таким, что я не могла рвать, потому что могла себе хуже сделать, хотя мне было очень плохо. И я быстро вернулась домой, в комнату.

И бегу в комнату, и чувствую, что мне настолько плохо, что вот-вот упаду. И я не иду, а бегу. Бегу, и потом в какой-то момент чувствую, что мне очень легко стало бежать. Я добегаю до своей постели, но лечь стало уже нечем. Оглядываюсь, а мое тело лежит метрах в трех от меня. Пробегая мимо стола, я сбила, когда падала там, хлебницу, сковородку, которая на столе стояла, завтракать собирались, и тарелки валяются. В общем, все валяется, и посреди этого всего валяется мое тело.

Я сначала была в шоке. Думаю: «что такое?» Муж услышал весь этот грохот, прибежал, позвал мою сестру, она как

раз у нас была тоже, чтобы та помогла меня поднять и положить. А я в недоумении: почему я тут, а тело там?

Потом, когда они уже затащили мое тело на кровать, положили, я так посмотрела-посмотрела на это все, и решила вернуться... Нет, вообще, сначала не хотела возвращаться. Думаю: «ой, как хорошо!» А потом вспоминаю: «дети у меня, внуки, муж. И муж останется один. Детям нужно помочь: младшему, чтобы с квартирой все было в порядке». Они еще тогда ипотеку не взяли.

И вот эти ощущения и задачи помогли вернуться мне в тело. Было такое ощущение, что я прямо усилием воли втискивалась в тело. И такое ощущение, что я втискивалась через верхние чакры. Через седьмую, шестую и четвертую, вот в области сердца. Как в эзотерике люди говорят, что чакры существуют и работают, вот именно через верхнюю часть тела.

И после возвращения я стала потом разбираться, что же это такое было. Да, и вот, что я хотела описать, почему со мною такое произошло. Я отследила, почему мне было так плохо, и чем был вызван мой выход из тела. Перед этим мы разговаривали с сестрой и братом, и у них ко мне были претензии, что я их не понимаю, что я действую неправильно, а они правы. Брат занимается очищением организма. И он говорил, что в организме очень много паразитов и мне нужно чиститься, и чиститься.

А я говорила ему, что это все не настолько актуально, насколько актуальна работа нашего мышления, нашего созна-

ния. То есть, прежде всего должны быть чистыми наши мысли и чувства. Наше состояние должно соответствовать такому ощущению, что ты в этом мире действуешь так, что находишься в согласии с собственной совестью. Тогда и организм нормально себя чувствует, – тело здоровое, тогда и жизнь идет нормально, и все складывается так, как надо.

Потом это вскорости тоже было. Мы были втроем на кухне: я, брат и сестра. И опять у нас возник такой разговор. И они опять со мной не соглашались. Брат мне говорил, что надо чистить организм. Что если что-то не так со здоровьем, то нужно сразу заниматься чисткой организма, пить всякие отвары и прочие жидкости, которые рекомендует Малахов, а я это не воспринимала.

И я опять стала говорить, что это неправильно. Сначала нужно организовать правильную работу своего сознания, своего мышления. И на тот момент уже, это с того события уже прошло, наверное, больше года, если не два уже, я стала понимать, ощущать и видеть, как организованы центры человека. То есть, где центр его внимания и центр как бы его сборки. Я это видела. И видела не только одного человека, но могла видеть, как организовано все человечество.

То есть, по какому принципу организовано все человечество, какой у него уровень. У любого человека и у всего человечества можно посмотреть, какой уровень, как организована, скажем так, энергоинформационная структура Земли, как в эту структуру вписано человечество, что оно делает с

собой и с Землей.

На тот момент мне все человечество, его энергоинформационная структура, виделась как единая такая коричнево-сероватая субстанция единая. И мои брат и сестра тоже были вот в этой субстанции. А я по отношению к этой субстанции была как столб света над всем над этим.

И когда они говорили мне, я думала: «наверное, у меня гордыня, и я не права». Ну что, мол, все человечество вот так организовано, и я не вижу в этой субстанции другого. Есть там маленькие светлые точки, но они если и поднимаются, то совсем чуточку, а я торчу как столб над всем этим человечеством.

Они мне говорили-говорили это, и я в какой-то момент думаю: «наверное, я не права. Ну не могут восемь миллиардов человек быть не правы, а один прав». И в этот момент, когда они мне доказывали свою правоту, я приняла решение, что мне надо включиться в человечество, чтобы не выделяться и подчиниться тому эгрегору или энергоинформационной структуре, которая организывает жизнь всего человечества.

И я перестала держаться своего восприятия относительно всего: пространства, Земли, всего человечества – то есть всей структуры, и отпустила. И в этот момент я отследила, как их как бы энергоинформационные сущности словно захватили меня, и потащили вниз. И буквально через несколько секунд я поняла, что мое тело опять валяется на полу, а

душа вылетела вверх.

И я увидела, как та энергоинформационная структура (биополе), которая организовывала мое тело и обеспечивала энергетику и функционирование тела, была ими захвачена и провалилась как воронка, вихрем таким вниз. И меня потянуло. И видно, оно было настолько быстрым, что центр восприятия тела был глубоко внизу. И в этот момент я поняла, что мои брат и сестра не правы.

Я уже тогда научилась разветвлять свое сознание: то есть понимать, что человек может ощущать себя как тело, а потом как личность. Есть центры восприятия себя как тела, как личности, как матери или отца. То есть, этих центров много. И центр восприятия тела был моими родными захвачен, переподчинен их структурам.

Но, если бы это было переподчинение только их структурам. А это был эгрегор, энергоинформационная структура, которая ровняет все человечество. То есть, как я потом отследила, это был эгрегор существующего миропорядка. Эгрегор, по которому живет человечество, и эгрегор, в результате которого отслеживается, что человечество должно стать неразумным, и чтобы оно было подчинено власти имущим. Их целям и задачам, которые они сами не осознают. Потому что они подчиняются программной структуре, модели, матрице того миропорядка, того принципа организации жизни и жизнедеятельности всего человечества, всего мироздания, которая в этой структуре заложена.

А заложена там, я просто стала в этом разбираться, и, как бы, считала, модель уничтожения всей Вселенной. И люди, организовывающие существующий миропорядок, то есть власть имущие, думают, что они избегут этой участи и своей деградации, и проблем, устраивая вот эти беды, несчастья, войны, майданы, ограбления стран и регионов, и все прочее.

Они глубоко заблуждаются, потому что, моделируя эти деструктивные матрицы и программы, они запускают процесс организации этих программ в своем сознании, в своей душе, в своем жизненном пространстве. И эти программы обеспечиваются не только жизненной силой и сознанием тех, на кого они воздействуют, но и их собственными. И они являются мощными носителями и обеспечителями и этих программ.

Первое время, пока у них еще есть благодатная, созидательная жизненная сила и энергия, пока эти программы ее не съели, кажется, что они действительно имеют больше ресурсов и возможностей. Но это пока не съели их собственную жизненную силу, которая есть внутри их душ. А как только она иссякает, а программы никуда не деваются внутри них, начинается разрушительный процесс их тел, их разума, их сознания.

И мы это очень четко наблюдаем, особенно сейчас. Вот посмотрите, Псаки озвучивала цели и задачи Госдепа США. Ее зачастую без смеха и сарказма смотреть было невозможно. Потому что было такое ощущение, что человек потерял

всякое понимание существующего мира, до безобразия тупой, выдает цели и задачи Америки и стран Запада.

Мудрость человеку дается тогда, когда он благодатно, достойно, честно и доблестно подтверждает мир и жизнь в мире. Когда он открыт истине жизни, правде жизни, порядку жизни, процессам жизни. А это созидательные, положительные программы и убеждения. Это программы, утверждающие для всех жизнь, благоденствие, благополучие, здоровье, безопасность, процветание, преуспевание, ответственность, богатство, достаток, изобилие. В общем, все самое прекрасное и святое.

Эти программы, убеждения и задачи открывают и дают любому человеку мудрость, ясность, осознанность, талант, гениальность и озарение.

А они действуют вопреки этому. Когда они действуют в целях низости, подлости, грабительства, эти цели и задачи съедают ту высшую мудрость и жизненную энергию, которая обеспечивает и нормальную жизнедеятельность, и мудрость этих людей.

Они пытаются подавить и уничтожить и Россию. Но я, разбираясь вот с этими своими проблемами, дойдя до вот этого существующего миропорядка, раскопала такое, что Россия является тем донором, той батареей, которая вырабатывает жизненную энергию и жизнь всего человечества.

Единственно что, вырабатывая эту энергию, наши люди не умеют сохранить ее для себя. Они привыкли, что эту энер-

гию, и материальные аспекты их благосостояния у них забирают, их грабят.

И я считаю, что если так это будет продолжаться и дальше, и те власть имущие добьются того, что Россия распадется, если они задавят русский мир, то это приведет к тому, что будет мощнейшее падение и мощнейшая деградация человечества. То есть, человечество потеряет свою разумность и это приведет к Апокалипсису. То есть получается, что они пилят сук, на котором сами сидят.

Они устраивают этот хаос, как им кажется, для того, чтобы выкачивать ресурсы, финансы, иметь практически бесплатную рабочую силу. Но устраивая это раз за разом, они моделируют все большее разрушение разумности общества и человечества. А это задача того эгрегора, которому они подчиняются.

Они думают, что они действуют самостоятельно, как свободные личности, но они глубоко ошибаются и заблуждаются. Потому что они действуют внутри модели, матрицы, программы разрушения всего: разумности человечества, уничтожения жизни, уничтожения всего созидательного.

И они думают так, что они основную часть человечества переподчинят сначала, потом уничтожат, а сами останутся на коне, останутся людьми и будут жить припеваюче. Этого не будет. Почему? Потому что есть критическая масса того, где человек еще остается человеком.

Есть такой принцип, который называется «эффект сотой

обезьяны». Обезьяна ела банан, и этот банан падал на песок, после чего его неприятно было есть. И однажды был прилив, который омыл банан. И обезьяне понравился этот омытый банан без песка. Потом так произошло еще раз, и она сообщила, что без песка бананы есть приятнее. И она научилась сама мыть бананы, и научила этому своих сородичей.

И когда их число достигло ста, то на всех островах, не связанных между собой, все обезьяны стали мыть бананы. То есть, сработала программа, эгрегор, энергоинформационная модель, матрица, которая была создана этими обезьянами. Это сработало для абсолютно всех обезьян.

Прозападный мир, устраивая войны, катастрофы, разруху, все эти майданы для стран, которые, как они считают, не входят в «золотой миллиард», надеется, что сам он останется в стороне, что сам он будет благоденствовать и преуспевать. Но они уничтожают разумность человечества, модель благосостояния, благополучия, мира, процветания и прогресса. И это, пересекая критическую точку, потом автоматически распространяется на весь мир.

Власть имущие, которые организуют для человечества эти мощные деструктивные программы и думают, что они от них скроются, ошибаются. Эти программы находятся внутри них. В своей душе они поставили эти программы как основные цели и задачи. То есть, эти программы являются основополагающими для их сознания, их душ и их энергетики.

И если другие, поняв и осознав такое мерзкое и подлое воздействие на них, могут защититься от них и убрать их, то эти товарищи (власть придержащие) от этих программ никуда не скроются, потому что эти программы являются сутью, целями и задачами их самих. Их душ и всего их мира.

И поэтому, как только начнется противодействие этим программам со стороны тех, на кого они накладываются, у тех, кто их накладывает, не будет энергообеспечения. Они просто-напросто потеряют разумность, после чего их постигнет шизофрения и смерть. Таким образом, эти их программы мощно накроют их самих.

У нас есть хороший пример. Это Фаэтон. Это планета, которая была полностью разрушена, ее осколки летают как пояс в нашей Солнечной системе.

Разбираясь в своих проблемах, ты выходишь на вот эти все причины и программы, почему это с тобой произошло, и тут любой процесс, любое явление и любое событие, его отзвук идет на всю Вселенную, а тем более на всю Землю. То есть, любой процесс, любое событие, любое явление записаны как программа абсолютно для всего человечества, всей Земли и всей Вселенной.

И поэтому необходимо, чтобы люди мыслили, чувствовали и действовали созидательно. Потому что разрушительные модели – они и есть разрушительные. Они влияют на всех и на каждого. И если человек хочет, чтобы его жизнь была нормальной, достойной, хорошей, любой человек, он обязан

начинать не с того, что он хочет, и не с того, что ему нужно, а сначала чтобы... Он живет в каком-то государстве, ну, допустим, в России.

Так надо, чтобы Россия жила в мире и процветании, и чтобы планета Земля оставалась неразрушенной, оставалась процветающей. Чтобы в стране был мир и можно было спокойно жить. И, естественно, чтобы в том регионе, в котором он живет, было процветание, преуспевание, безопасность. А потом уже то, что человеку конкретно нужно. То есть, его личные цели, задачи, желания. Любое желание, любая цель всегда вписаны в модель мира и подчинены тому миропорядку, который существует на данный момент.

Что нужно сделать для того, чтобы этот миропорядок был созидательным, благодатным, благотворным, то есть, организующим и обеспечивающим жизнь человечества, страны и самого человека? Человек обязан чувствовать, мыслить и действовать созидательно, достойно, честно, порядочно, благородно. Тогда и в мире, и у него все будет хорошо».

Рассказ шестой (тридцать первый с начала серии)

Алия, 57 лет

(Узбекистан, г. Ташкент)

«В своей жизни я пережила клиническую смерть. Это произошло двадцать семь лет назад. Мне на тот момент было тридцать лет. У меня было уже на тот момент двое детей, и я родила третьего ребенка. Роды прошли тяжело. Потом были проблемы с извлечением детского места. И в какой-то момент я помню, что сказали, что мне придется под общим наркозом проводить эту операцию, потому что невозможно терпеть такую боль.

Я помню, что пришел анестезиолог, сделал мне укол, и в какой-то момент я почувствовала сильный-сильный шум в ушах и очень свистящие звуки, как будто я летела на каком-то истребителе. Но кругом было темно и мое тело с какой-то бешеной скоростью летело через какое-то темное пространство, но впереди был какой-то свет.

А еще до этого (вначале) я почувствовала, что я где-то над потолком летаю. А потом смотрю – мое тело лежит само по себе, а я сама по себе.

И только я подумала: «ого, вот это да, я там лежу, а че-

го я тут повисла? Наверное, я умерла», и только вот такие мысли у меня появились, как вот этот свист появился в ушах и такая скорость огромная. Меня прямо вот куда-то начало засасывать со скоростью... вообще с бешеной просто.

И потом в какой-то момент я просто вылетела из этого темного пространства в какой-то яркий свет. Я попала в пространство абсолютно яркого света. И тишина. И нет ни одного звука, никакого изображения, ничего. Я сама себя тоже не вижу, но я знаю, видимо, это было мое сознание или астральным своим телом я там очутилась. Я сама себя не видела, но была такая легкость. Прошли вот эти боли, которые я испытывала до родов, во время них и после. Это все прошло, и такая легкость. И я думаю: «вот здорово! Как тут хорошо!» Такой вздох облегчения.

И вдруг я слышу Голос, он у меня внутри, в голове, какой-то, ну точно мужской голос: «ты понимаешь, где ты оказалась? Ты поняла, что ты умерла?» Я говорю: «ну да, я поняла, что я умерла». Голос говорит: «тебе не страшно?» Я говорю: «нет, не страшно, тут так здорово, классно, мне очень нравится!»

И потом Он так же мысленно, телепатически задает мне следующий вопрос: «не хочется вернуться?» Я говорю: «ой, Вы знаете, нет, не хочется. Мне тут нравится, и я хочу тут остаться». «А на Земле ничто не держит?» И тут я вспоминаю, что у меня же родилась дочка и у меня же дети. «А на кого мои дети останутся!?»

И вот так я Ему вскрикнула, просто озарение пришло – я вспомнила, что у меня есть дети. Про мужа, маму, папу не думала, про детей вспомнила.

Но вот столько любви было в этом Голосе, столько тепла, добра, света. Он говорит: «возвращайся назад!» И вдруг в какой-то момент появляется этот свистящий звук. И вот, когда я вылетала из тела, я помню, что вылетала вправо и вверх, потому что слева была кушетка, где я рожала, врачи, сверху лампы горели. А возвращалась я, как бы, по другому рукаву. Я в правый рукав ушла, в центре, как бы, Голова Его была в этом пространстве, яркий свет, и я как бы в голове Его оказалась, и потом уже попала в другой рукав, левый.

И вижу себя маленькой, в детском саду, где-то мне лет пять или четыре. Я даже вот помню себя, в каком я платье. Потом чуть постарше, потом школа, школьные годы, потом старше-старше-старше. Себя в разные периоды жизни вижу. Потом детей своих вижу. Потом вижу картину, как муж меня привез в роддом, и я лежу в этом роддоме, девятая палата, я точно помню. Где-то человек шесть-семь нас было в одной палате.

И каждую мою соседку по палате, каждую, я прямо четко и ясно вижу, по отдельности. И они мне желают, чтобы я легко родила, чтобы все произошло нормально, чтобы без проблем, без осложнений. А я-то лежала две недели на сохранении, потому что врачи думали, что у меня могут начаться преждевременные роды, а на самом деле было наоборот.

Потому что у меня начались схватки, потом перестали, и две недели их не было. А муж был в отъезде, в России.

И вот только когда он вернулся, у меня опять начались эти схватки, и он меня привез в роддом. И вот, эти лица я могла уже точно разглядеть, потому что галерея кадров стала более медленной. Потом раз, – и вдруг врачи, которые вокруг меня. И вот, одна врач берет и начинает меня по щекам бить. Я открываю глаза, и она мне говорит:

– Алия, Алия! Быстро говори, какая группа крови?

Я отвечаю:

– Первая, положительная.

Тогда паспорта были советские, ставили штампик. Она говорит:

– Да, первая положительная, но проба всегда дает первую отрицательную!

Я так отрешенно ей говорю:

– Мне без разницы, хоть какую. Хоть отрицательная, хоть положительная. Выживу – здорово, не выживу – там тоже хорошо!

Она стала ругаться. Короче, они влили мне первую отрицательную все-таки. И все.

Я помню, что я так говорила. А врач говорит:

– Вот, говорит, что ей все равно.

Потом они меня спрашивали, как мне там было. Я сказала, что здорово. Они меня спрашивали:

– Придешь еще рожать?

Я говорю:

– Ну конечно, приду, наверное. Но я уже потом не пошла рожать, после этого (*смеется*)

Я об этом, конечно, никому не рассказывала. Потому что отношение-то к этому было... все-таки девяносто второй год, еще не было такого. Да я и сама не знала верить или не верить.

Но то, что это не было влиянием от наркоза, это точно, стопроцентно. Потому что наркоз у меня до этого за несколько лет был. Тогда никаких таких ощущений я не испытывала. Муж мне сказал, чтобы я лучше воздерживалась от распространения этой информации. Мало ли как там это воспримут. Подумают еще, что я отклонение какое-то психическое получила. Поэтому я не стала об этом говорить.

И летом этого года случайно я как-то наткнулась на один сеанс регрессивного гипноза. Удивилась, думаю: «надо же, такое, оказывается, делают!» Просто вот констатация факта и все, я на этом дальше заморачиваться не стала.

Как-то я уже в Интернете стала искать все, что связано с тем, что происходит за гранью нашей физической жизни. И снова наткнулась на сеанс регрессивного гипноза с некой Екатериной. И там пишут люди комментарии. Кто-то верит в это, некоторые не верят. Кто-то пишет: «да вранье это все, чепуха, ерунда!»

И я просто вот, абсолютно даже и не собиралась привлекать к себе внимание, я написала: «те, кто в это не верят,

им этого не дано понять, потому что они с этим не сталкивались, не проживали это. Кто в этом прямо не заинтересован, прямо не проживали это, но проявляете интерес, а есть люди, которые сразу отвергают. Кто категорически отвергают, я могу свой случай тоже рассказать».

Я была на сеансе. Это было недолго. Я вот помню, что мы обменялись буквально несколькими фразами, и у меня даже не возникало вопросов, что будет дальше. Я просто наслаждалась нахождением вот в этом состоянии. Вот это пространство, хотя там ничего нет, кроме яркого, ослепительного света. Он даже не ослепительный, это неправильное выражение.

Этот свет не бьет в глаза, он не ослепляет, но он как-то окутывает, как прямо что-то теплое, мягкое, нежное, любящее. И ты готов в этом состоянии находиться вечно. И тебе не станет скучно, и ты не захочешь никуда уходить. И вот только эти вопросы этого очень Мудрого Существа, Который задал мне эти наводящие вопросы... Просто я слышала очень многие откровения людей, которые тоже приходят туда, попадают после клинической смерти.

И некоторых прямо насильно отправляют. Они хотят остаться, а их прямо насильно выгоняют оттуда. А у меня все-таки спросили, хочу ли я остаться. Не знаю, может быть, проверяли мою зрелость, мою готовность. Оказывается, свободная воля, не только там, а вообще, свободная воля должна быть и здесь, на Земле.

А у нас-то это не очень-то и соблюдается. А побывав там, я сделала три открытия. Первое. Что смерть, это не так страшно. Второе – свободная воля. И третье – все-таки ты должен иметь свой внутренний свет, чтобы увидеть Свет. Мне вот так показалось. Я не хочу себя возвысить, но... или, может быть, готовность увидеть Свет. Вот так, наверное, – готовность увидеть хорошее. Говорят же, что ты себе нарисовал, то и случится.

Возле меня находилась женщина, ее тоже зовут Алия, она со мною рядышком рожала. Тогда был такой огромный родблок и роды принимали параллельно. Это потом она мне рассказывала. Говорит, что долго это проходило, потому что не могли найти вот эту кровь. Где-то примерно полчаса была борьба.

За эти полчаса мое сознание находилось еще во мне или сразу ушло, вот этого я не могу сказать. Потому что сознание не сразу же покидает тело. Это, наверное, нужно, чтобы огромное количество крови ушло. Но вот когда эта женщина рожала, можно сказать параллельно со мной, она мне потом рассказывала.

Я думаю, не то, чтобы жизнь сильно вокруг меня изменилась, но изменилась я и мое отношение к жизни. Я стала более терпимой к людям. Раньше я могла человека раскритиковать, прямо в пух и прах разнести. А после этого я стала уже более мягкой. Конечно, окружающие замечали, что я изменилась в лучшую сторону. «Да ну, не может быть? Это

ты?» (смеется).

И особенно моя сестренка все время любит рассказывать: «ой, да вы не знаете, какая она была!» Конечно, муж тоже заметил изменение моего характера. И мое отношение к жизни поменялось исключительно.

И еще я начала, конечно, интересоваться той жизнью, которая отличается от нашей физической реальности. Я начала искать литературу. И каково же было мое удивление, что оказывается, есть еще и другие люди, которые этим очень живо интересуются.

Врачи это объясняют банальной причиной – это потеря крови. А кровь, это же жизненная энергия. Для чего у меня, можно сказать, забрали эту жизненную энергию, хотели уже туда забрать? У меня есть две версии ответа. Либо хотели мне сказать, что нужно менять отношение к жизни, либо действительно хотели дать мне выбор.

Может быть, я на тот момент действительно много сделала и с чувством исполненного долга могла бы уйти. Потому что детей все равно кто-то бы вырастил: мама, папа, муж. Дети все равно без присмотра не остались бы, если я решила бы выбрать остаться там. Просто я бы не увидела внуков.

Другой вариант: мне нужно было вернуться и исполнить какую-то свою миссию, которую я не исполнила за все эти двадцать семь лет. Может быть, мне опять дали информацию, чтобы я все-таки начала не только развивать свой дух, работать над развитием своей духовности, но и помогать лю-

дям немного обретать свет.

Мало иметь внутри свой свет и радоваться жизни, может быть, нужно помочь другим обрести этот свет внутри себя. Я вот так понимаю.

В течение вот этих двадцати семи лет я исправно сдавала кровь, и думаю, что помогла людям. А сейчас, с годами, все-таки мне уже пятьдесят семь лет, ко мне приходит понимание, что этого недостаточно. Нужно не то, чтобы исцелять людей, этого дара у меня, конечно, нет. У некоторых появляется, оказывается, дар целить людей, бывает, просыпается дар ясновидения. Этого ничего у меня нет.

Но у меня есть понимание того, что высшие миры – это прежде всего любовь и свет. Если одним словом сказать, то это доброта. Доброе сознание как раз и приводит ко всему этому. Значит, надо сеять разумное, доброе, вечное. Об этом еще классик сказал. Вот если у меня получится каким-то образом распространять это, то я буду очень рада.

Даже в детстве я всегда говорила: Бог в душе. Вот в каждом из нас Он находится. Хотя и говорили, что Бога нет, но все равно я как-то знала, что Он есть. Но к религиозным обрядам, к посещению церкви или мечети я относилась просто равнодушно. Меня это не интересовало абсолютно, но в то же время я была далека от того, чтобы кого-то осуждать за это. Потому что я допускала, что у каждого человека может быть свое видение этого мира, свои взгляды.

Кому-то, может быть, хочется выражать свою любовь к

Богу какими-то ритуалами. Но мне не нравилось одно: что это навязывают. Он есть. И Он во мне, и в каждом человеке. Каждый человек является носителем частицы Бога. Это я знала уже давно, и этого придерживаюсь. Поэтому, религиозный фанатизм, конечно, это удручает меня.

Мне посчастливилось, я так считаю, испытать опыт жизни за пределами физического мира. Нам кажется, что наша жизнь этим физическим миром и ограничивается, но я убедилась, что там тоже есть жизнь. Нет такого забвения, что ты умер, и все: тебя нет, ты исчез. Там есть продолжение и развитие.

Поначалу я опасалась. Думала, что если я буду рассказывать людям о том, что со мною произошло, меня воспримут неправильно, подумают, что у меня есть психические отклонения, что с головой не все в порядке. Когда муж мне сказал, чтобы я была поосторожнее, я притихла и никому не рассказывала. Только родственникам, детям начала рассказывать, и только буквально последний год. Спустя двадцать семь лет. Нужно открывать людям глаза и сердца, нести свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.